

КОНСЕНСУС КАК ОСНОВА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК

Сосуществование в современном мире многообразия идеологических конструктов и различных социальных практик, обусловленных наличием социальных противоречий (богатство и бедность, и т.д.). Они провоцируют возникновение социальной напряженности в обществе, а для конкретного субъекта это сопряжено с существованием социальных рисков (наркомания, терроризм и т.д.). При этом вариативность механизма самосохранения как самого человека, так и общества многогранна и хаотична. Сущестующий мультиверсум «Я», «Мы», «Они», в том числе и в рамках сосуществования различных социокультурных практик, является отражением гуманистической направленности социокультурного процесса в целом, через осознание человеком свободы и Самости (Selbstheit) Все социокультурные практики «созданы и культивируются в виде классических человеческих образцов» на основе «базисных этнонациональных сред» [6, С. 12].

Условием стремления к мирному сосуществованию в обществе на основе гуманизма является элемент «конструктивной напряженности» (А. Ахиезер). Имеется в виду процесс сохранения общества вопреки энтропии посредством существования адекватной энтропийной силы, которая сдерживает дезорганизацию в определенных рамках. Здесь возникает потребность в консенсусе как форме деятельности на основе признаваемых (признанных) всеми правил при диалектическом противостоянии. Консенсус как амортизатор социальной напряженности может реализовываться в практической деятельности и приводить к достижению компромисса.

Компромисс, основанный на осознании определенной общности интересов и стратегических целей, достигается благодаря консенсусу как специфической форме разрешения противоречий текущих интересов. Консенсус предполагает понимание того, что удовлетворение собственных интересов возможно при учете интересов «другого». В этот момент он становится ответственным за свою судьбу, а его поведение делается независимым, что способствует реализации и регламентации потребностей в контексте исследования качества жизни [5]. Эти качества превращают человека в личность, готовую к сопротивлению. Человек должен проделать большую духовную работу по осознанию своего достоинства, способности к действию. Между действием и осознанием себя как личности существует диалектическая связь: осознание себя уже есть действие, в то время как действие возвышает человека как личность.

При реализации консенсуса (достижение согласия, в рамках цивилизационных парадигм, в том числе, российской социокультурной практики [4]) человек, так или иначе, вынужден проявлять свою открытость, характеристикой которой является у него (человека) наличие свободного

мышления, необходимые для его сопротивления окружающему миру и наличия собственной самоопределенности. Наличие взаимного «притязания» заключает в себе и то, что это не фиксированное требование (силовое и/или информационное давление), выполнение которого встречает однозначное согласие; оно скорее обосновывает такое требование. Как правовая основа для неопределенного требования притязанию соответствует возможность выполнения, оно, приходя в действие, приобретает облик требования. Следовательно, стойкости притязания соответствует то, что оно конкретизируется в требование.

Механизм консенсуса целесообразно рассматривать и в рамках исследования соотношения между собой различных социокультурных практик. Под социокультурной практикой мы понимаем наличие в обществе условий, позволяющих человеку адаптироваться к доминирующим в конкретном социальном пространстве социокультурных процессов. Границы социального пространства вариативны, зависят от возможностей субъекта реализовать свои творческие способности в рамках преобразования публичных и духовных критериев не только в рамках своей социокультурной практике, но и в других, к которым он имеет какое-либо прямое или косвенное отношение и способен оказывать позитивное или негативное воздействие. Мера освоения человеком стандартов и норм поведения в рамках одной социокультурной практики характеризует его возможность освоения «иных», на основе возможного их сближения и интеграции в единый социокультурный процесс. При этом должны определяться границы реализации возможных возможностей и способностей человека в межличностном взаимодействии в определенном социокультурном пространстве и времени.

Отношения, основанные на консенсусе, базируются на фундаментальных принципах и нормах. Прежде всего, это добровольность признания субъектами друг друга в качестве участников общественных отношений. Решающим выступает фактор взаимной полезности, предполагающий взаимную заинтересованность сторон, уважение и учет их интересов, в частности, способность жертвовать частью собственных интересов ради максимизации общего блага. Она строится на принципах доверия, уважения, доброжелательности, равенства, свободы выбора. Участники их равноправны в выборе путей и средств достижения общей цели, следуя принципу невмешательства и сохраняя самостоятельность. Предполагается обоюдная ответственность за общее дело, что придает им характер бескорыстия и солидарности [2, С. 120]. Перевес формальных моментов облегчает взаимодействие и общение, нивелируя личные симпатии, антипатии, неприязнь и т.п. моменты.

Мера ответственности человека перед самим собой и другими связана с реализацией возможности его к социальной адаптации с выработкой оптимального для себя критерия поведения, чему должна способствовать социокультурная практика исторически конкретного общественного образования (например, социокультурные стандарты западно-европейских, восточно-азиатских и иных государств). Особую значимость это приобретает при

рассмотрении социокультурной практики в контексте теории технократии, где естественнонаучное знание должно учитывать комплексную политику реализации таких знаний в сочетании с правовыми нормами [8]. Данный процесс требует проявления мужества как при отстаивании своего индивидуального своеобразия, так и при достижении групповой солидарности. Существенным условием для этого является деятельность человека, всегда соответствующая нормам поведения. При этом «человек, – отмечает В. Виндельбанд – был бы вместе и абсолютно свободным человеком, так как все его жизнеповедение было бы определено должным, идеальным, общеобязательным, и ни одно из его действий не происходило бы в силу чисто механического принуждения» [3, С. 663]. Человек действует в силу одного только долга и, благодаря своей совести, стоит над грубой и безжизненной причинностью. Свобода, понимаемая как «господство совести» приобретает свою значимость в силу степени осознания человека к конкретной социокультурной практики (традиции).

Находясь под воздействием инерции истории, запечатленной в культуре и в социальном пространстве, на человека действуют явные или скрытые тенденции прошлого, которое всегда с ним. Не осознавая этого, человек повисает над непроходимой пропастью между тем, что он хотел бы видеть, и тем, что реально видит, между тем чего он хочет, и тем, что может, между своими надеждами и реальностью, между самосознанием своего «Я» и оценкой этого «Я» обществом и т.д. Этот разрыв есть моральное противоречие, в следствии которого происходит постоянная внутренняя борьба, связанная с преодолением страданий. От них ведут два пути. Один – к нравственному упадку, к озлоблению против не оправдавшего надежды реального мира, что является попыткой уничтожить его, истребляя тех, кто персонифицирует негативность мира. Но это путь самоубийства, разрушение собственного дома, насилия (агрессии). Однако есть и другой путь. Он лежит в творческом преодолении человеком своей ограниченности, в прогрессивном саморазвитии и рефлексии.

Рефлексия есть способность субъекта воспроизводить себя в постоянно усложняющихся условиях, что требует постоянного самосовершенствования. Она есть центральное определение человека, субстанциональная характеристика жизни общества. Рефлексия всегда возможна не как внешнее взаимодействие субъекта и объекта, не как конфликт двух монологов, а как постоянное взаимопроникновение противоположностей, постоянное превращение противоположностей в содержание сознания и деятельности субъекта [9].

В любой социокультурной практике заложена способность поиска устойчивого состояния, даже при наличии в обществе диаметрально противоположных культурных оснований. Одна практика может характеризоваться жесткой замкнутостью, где развитая рефлексия может существовать только в рамках исторически сложившихся отношений. Возможны общества, где уровень рефлексии с определенного момента перестает достигать необходимого минимума, что снижает эффективность воспроизводства и ведет к деструктивности. Предотвращение этой опасности требует внимания к механизмам развития массовой рефлексии, как способности ответственно совершенствовать себя и окружающее социокультурное пространство, в том

числе – через механизмы формирования духовной элиты, социально-экономическая и социокультурная функции которой заключаются в развитии рефлексии.

Механизм рефлексии включает способность человека так изменяться, чтобы превращать свои потребности в воспроизводственные действия, проникаясь наиболее эффективными средствами. Каждый признает, что разрушение условий для реального равенства представляет опасность для свободы всех людей. Это суждение становится верным, поскольку поддержание общественного порядка понимается как необходимое условие достижения каждым своих целей. Принцип равной свободы (Дж. Ролз) [7, С. 197], применительно к политической процедуре, есть принцип (равного) участия. В соответствии с ним, все граждане должны иметь равное право принимать участие в конституционном процессе и определять его результат, когда устанавливаются законы, которым они должны подчиняться.

От наличия механизмов реализации участия граждан, а также их желания это делать, зависит государственное устройство, доминирующая в обществе социокультурная практика и управление, требующие разработку объединяющих доктрин, политических программ предотвращения и противодействия различным формам ксенофобии, межгрупповой ненависти, экстремизма, основанных на приоритете гражданских начал и прав человека. От этого зависит эффективное исполнение законов, предотвращающих дискриминацию по полу, этнической и религиозной принадлежности, а также обеспечивающие права граждан, принадлежащих к различным меньшинствам.

В этом случае, прав Н.А. Бердяев, у которого понимание свободы есть экзистенциальное уравнивание добра и зла, более того – их «равноправие». Свободный выбор человека предполагает наличие «нормы», способной различать «добро» и «зло». Разграничение понятий «свобода воли» и «свобода выбора» позволяет отделить «ответственность и наказание» от «освобождения», то есть – «когда выбор сделан и когда я иду творческим путем» [1, С. 52]. По мнению автора, данное разграничение очень существенно, ибо «состояние» выбора имеет различные характеристики: чувство угнетенности, чувство нерешительности и даже – чувство вины (несвободы).

Коллективизация совести пагубна и тем, что она основана на «сознательной дисциплине», при которой – принимая какое-либо решение человек, может либо бездумно подчиняться неким установкам, либо взвешивать их на весах добра и зла. При их оценке критериями «личной совести» появляется возможность для их невыполнения. Первое – характеризует его дисциплинированность с потерей сознательного выбора, а второе – ведет к отказу от дисциплины с нарушением «закона» на основании его признанности или непризнанности. Действует трагическая диалектика свободы и рабства. Она, как правило, прикрывается респектабельными и пользующимися массовой поддержкой формами «подлинной демократии» и «истинного гуманизма».

На весах добра и зла совесть отделяет «личное» от «коллективного», а ее экзистенциальная общезначимость является центральным звеном в моральных конфликтах. Исходя из этого, неприемлемо какое бы то ни было

насилие относительно «освобождения» путем навязывая истины, «во имя которой от меня требуется отречение от свободы. В случае конфликта все решает «свободная совесть». Я не могу признать истиной то, что мне навязывают истину, если я сам не узрею этой истины» [1, С. 53].

Одним из обстоятельств, порождающих нетерпимость, являются безнаказанность и бесконтрольность ряда политических, и национальных лидеров, их низкая мораль и правовая культура. В постсоветском правовом пространстве до сих пор продолжает публично демонстрироваться управленческий стиль разносов и человеческого унижения. К сожалению ни российская социокультурная практика, с ее управленческими структурами, ни представитель иных практик с властными структурами других государств пока не справляются с задачей, когда виновники обретают сомнительную славу "героев" среди манипулированных соплеменников, сохраняют высокие посты, пользуются покровительством высших лиц государства.

Придерживаясь этической концепции, где моральный выбор рассматривается не как инструмент решения практических задач, а как возможность преодоления конфликта утилитарных интересов мы относим способность к достижению компромисса к одному из механизмов ненасильственной борьбы. Как институт достижения взаимопонимания и согласия достижение компромисса исключает возможность безразличия и преобразуется в заинтересованную возможность принять другого таким, каков он есть, не только в рамках конкретной социокультурной практики, но и за ее пределами. Это предполагает наличие информированности, которая немыслима без единого информационного пространства, свободного, сбалансированного потока информации по горизонтали и вертикали, а следовательно, и доступа к этой информации различных субъектов на равноправной основе.

Весьма сложной задачей политической социализации является формирование политического доверия в рамках социокультурного процесса по отношению к субъектам политики, к индивидам и группам с иной политической позицией. Данная сложность зависит от меры гражданской активности. Добровольное расширение субъектами пространства для социального консенсуса базируется на гражданской активности человека как участника политических отношений. Можно человека «поливать» и смотреть, как он к «солнышку поворачивается», таким образом, мы создаем культуру. А можно и так: отрубить все лишнее и сказать, что это подлинный человек. И то искусственно, и это искусственно, только одно проще делается, чем другое. В течение длительного времени у поколений советских людей формировалась очень жесткая идеологическая установка: правы лишь те, кто разделяет наше коммунистическое мировоззрение, остальные либо не понимают истину, либо враги. Уровень соотношения прав и обязанностей полностью зависит от человека как субъекта правоотношений, его самоопределенности в рамках социально-политической инфраструктуры государства. Несомненным здесь является наличие реальных условий для наиболее широкого спектра проявления возможностей реализации прав и свобод в социокультурном пространстве и государстве [10]. При этом, ограничивая свободу общим интере-

сом в общественном порядке и безопасности, государство действует в соответствии с принципом равной свободы, относительно которого можно достичь, и достигается согласие. На самом деле человек может полагать, что другие должны разделять те же верования и принципы, что и он сам, а понимание обязательств и моральных принципов показывает: мы не можем ожидать, что другие согласятся с меньшей свободой. Еще меньше мы можем надеяться на то, что они признают нас адекватными интерпретаторами их обязанностей или моральных обязательств.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Мысль, 1990. – 220 с.
2. Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики. // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 112–129.
3. Виндельбанд В. Избранное, Дух и история. – М.: Юрист, 1995. – 686 с.
4. См.: Дронов В.Т. Согласие как цивилизационный архетип российского общества. // Социологические исследования. – № 9. – 2016. – С. 157–160.
5. См. Золотухин В.М. Социокультурные основания реализации и регламентации потребностей в контексте исследования качества жизни / В. М. Золотухин, М. В. Козырева. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 37 (1). С 68–75.
6. Осипов Ю.М. Этнонациональное сознание и историческое поведение. // Философия хозяйства. – 2016. – № 5. – С. 11–20.
7. Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – 536 с.
8. Козырева, М. В. Концепции культуры в контексте качества жизни / М. В. Козырева, М. С. Махалов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. № 2 (62). – Т. 4. – С. 210–213.
9. V M Zolotukhin, V A Gogolin, M Yu Yazevich, M I Baumgarten and A V Dyagileva Environmental Management: the Ideology of Natural Resource Rational Use / Ecology and safety in the technosphere: current problems and solutions IOP Publishing IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science, 50 (2017) 012027 – doi:10.1088/1755-1315/50/1/012027
10. См.: Vladimir Zolotukhin, Evgenia Stepantsova, Marina Kozyreva, Anastasia Tarasenko and Alexandr Stepantsov The problems of correlation the life quality and interpersonal dialogue in legal practice of mining regions – DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/20171504014>.